

Мысли были простые, но тем сложнее было на них ответить. Основной мыслью был вопрос: Что делать дальше? Я понимал что нужно было что то решать, долг по не пройденным километрам рос с каждым днем, и организм не выздоравливал, даже наоборот становилось хуже. Отставание было уже в тридцать километров, и сегодня оно по всей видимости увеличиться еще на шестнадцать. На очередном привале достал горелку, котелок, очень хотелось пить, а кипяток в термосе закончился. Набил котелок льдом, поставил на огонь.

С кем я сражаюсь? Это уже не спортивный интерес, это больше похоже на выживание. Идти дальше не получается. Скорость упала вдвое, цель пройти весь Байкал за 13 дней таяла как лед в моем котелке. Что делать, зачем идти, о чем писать. Искал какую то награду, я не хотел верить что все закончиться вот так, даже не начавшись. Мелькали мысли что я все равно выиграл, я выиграл когда сел в поезд, когда ступил на начало маршрута, когда не сдался после первой ночевки, выиграл после боли в ногах и выигрываю сейчас- продолжая идти дальше. Может быть этого достаточно? Еще в зачатке этой экспедиции получилось побороть огромный страх, страх начать. Но я не знал что в процессе придется бороться еще с десятками страхов. Иду вопреки чему то, или вопреки всему, не понимая куда и сколько еще осталось. Вода вскипела, отключил горелку и бросил в котелок горстку снега - немного остудить воду. Выпил залпом весь литр воды, жажда никуда не ушла, в горле по прежнему было сухо и хотелось пить. Жар видимо, только температуры не хватало сейчас для полного счастья. Убрал котелок, поднялся, заматерился от боли в колене и стопе, и побрел дальше. За время этого короткого чаепития ответы на вопросы так и не пришли, но зато пришла какая никакая система действий. Было понятно что пройти Байкал уже не получится в запланированные сроки, и задачей номер один теперь был выход к людям, к населенному пункту. Оттуда можно будет уехать в Иркутск и нормально восстанавливаться. В условиях постоянного мороза, холодных ночевок и огромных по продолжительности нагрузок - это было сделать невозможно. От такого решения стало немного легче. Карта показывала что ближайший населенный пункт в сорока километрах от меня, а в пяти километрах отметкой чернело зимовье. Туда я и решил дойти сегодня, слепо надеясь что оно будет открыто и там будет печь. Странное слово “зимовье”, содержит в себе такое холодное слово “зима” но при этом совсем не холодно от него. Наоборот, от одного лишь упоминания становится теплее. В голове плывут образы завывающей метели, ветровых вихрей забирающих тепло из под самой плотно застегнутой куртки. Никакие, даже суперсовременные слои одежды не спасают от настырного ветра, облачись хоть в скафандр, все равно захочешь дышать и обнажишь плоть своего тела. И тут же налетит ветровая орда на ледяных лошадях призраках, проникнут через кожу, заберутся под одежду и как по цепочке вынесут тепло из тела. Нет, доспеха от этой орды не существует. Её не победить в открытом бою, отражая атаки-порывы. Эти атаки будут откидывать назад, не давая продвигаться к цели, эти атаки сильны и полны уверенности так как подкреплены огромной силой колючего упрямого мороза. Вот уж кто хозяином гуляет где хочет, многомиллионный строй пикинеров, пеших и конных, на боевых кораблях, ладьях, стругах, на мертвенно белых птицах самолетах. Везде, и в воздухе и на земле, и на воде. Этот строй никогда не спит, колит и режет без устали копьями, пронзает кожу заставляя её краснеть. Пускает кровь невидимо, почти незаметно, кожа краснеет а потом сдавшись начинает белеть. Пикинеры злорадствуют в диком танцы, ликуя завоеванной территории, и от побелевшего участка кожи начинают расплываться лопнувшие капилляры - человек повержен! Изначально это

неравный бой с принятием чужих правил, и спасение от всего этого можно найти лишь в крепости. Туда и несут ноги одинокого воина человека. Захлопнув за собой тяжелую деревянную дверь зимовья, он впускает в дом последнюю ветровую орду, в четырех стенах, в тесноте помещения её атаки захлебываются, ей больше нет места для разбега и орда погибает без движения словно тонущая акула. Человек складывает шалашом дрова и чиркает спичкой, выиграна лишь битва, а война еще идёт. Ледяные пики все также колят и разрывают тело, это универсальные воины, готовые сражаться на любом расстоянии и любой территории. Если пики окажутся вдруг неудобны в тесноте, то в ход пойдут кинжалы и зубы. А печь тем временем начинает клокотать, бурлить, кипеть, шумно просыпаясь. Внутри как будто мечется дикий свирепый зверь, он засиделся в клетке и жаждет битвы, крови, жаждет своего предназначения. Дверца печи открывается для очередной закладки дров, помещение озаряет пламя из топки, жар такой сильный что обжигает даже своего создателя. Урррр!! - звучит утробное рычание, и из печи стремглав вылетает огненная кавалерия. Горят фитили на мушкетах и пистолетах, сыпется порох, перекатываются звонко пули в подсумках, зубы рвут бумагу и тряпки на пыжи, и уже виднеется первая ледяная кровь на кривых огненных саблях. Лица лихой конницы перекошено в дикой улыбке, так долго ждали они битвы, так долго сидели взаперти. Закрутился смертельный танец пламени, горячий металл вылетающий из стволов намертво косит противника, выбивает из седел и крушит острыми горячими лезвиями. У холода больше нет шансов, он попал в ловушку внутри крепости, и теперь его единственный вариант - это осада. Пикинеры разворачивают осаду за стенами крепости, плотно и бесконечно. Ветровая орда бьёт тараном в стены и ворота, но ломает лишь себя. А внутри чистят ружья, точат сабли, смеются и пьют горячую брагу воины. Они наслаждаются жизнью, битвой, победой и смертью, наслаждаются этим потому что знают что скоро всё это для них закончится. Лазутчики холода проникают через щели крепости, но каждого из них ловят и уничтожают - пламя несёт свою службу безупречно!

Зимовье оказалось большим и ухоженным, это чей то дом на берегу озера. Рядом с домом имелась даже баня, внутри тоже чисто и обжито. За баней поленница дров, перед входом в зимовье большой нежилой тамбур, видимо это будут сени. С ними теплее и есть где хранить вещи. Постучал в дверь зимовья, подождал, постучал еще раз и спросил:

- Есть кто дома?

Тишина. Потянул ручку двери, она поддалась. Внутри темно и как будто бы теплее чем на улице. Осмотрелся, и первым делом полез в печь. Так и есть, зола еще теплая - значит хозяева были здесь совсем недавно. А учитывая что на улице уже поздний вечер, то вряд ли они сегодня вернуться. Уходить в ночь в тайгу им незачем, значит уехали домой. Такие умозаключения меня устроили и я продолжил осмотр зимовья. Тут было много вещей, одежды, утвари, продуктов, снасти. Стоял стол с четырьмя стульями, застеленная кровать и кресло. Стены были в полках, а полки заставлены вещами и продуктами. Для многих может показаться странным что такой вот дом стоит абсолютно не запертым, объяснение кроется в таёжной традиции. Зимовья, срубы, частные дома и вообще любое строение в тайге не запирается на замок по причине того что эти четыре стены могут быть последним спасением для заплутавшего рыбака, охотника, туриста, автомобилиста или еще бог знает кого. Традиция эта древняя и её чтят по сей день, ведь будет очень больно обнаружить в один день окоченевшее тело у закрытой двери своего зимовья. Тело, которое не смогло попасть внутрь дома. Был даже период когда местные проверяли все зимовья на наличие замков, и если находили закрытые то выламывали замки с корнем. По той же самой

традиции во всех зимовьях гости ведут себя аккуратно, стараясь минимально нарушать порядок внутри дома. Поэтому я не чувствовал угрызения совести заходя в этот дом без спроса, мне это было надо, нужно было тепло и отдых. Не будь проблем с ногами я бы пробежал мимо и заночевал в палатке, но было как было. Печь загудела быстро, пошло тепло и начал зреть ужин. Эксплуатировать спальные принадлежности я не стал, просто бросил свой спальник на кровать. Пока готовился ужин, я прокручивал в голове разговор с хозяином зимовья, если он все же вернется сегодня. Поужинав, развесил сушиться палатку и вынес пакет со скоропортящимися продуктами на мороз, повесил у двери на гвоздь. Вернулся, подбросил еще дров и лег спать. Точнее просто лег, сон опять не шёл. Ворочался долго, много думал, переживал а потом как будто оступился и провалился куда то. Последнее что увидел, это пламя огня в щели печной дверцы.